

Л. И. Иванова

**МАУРИ МАКСИМОВНА ХОТЕЕВА:
МНОГОГРАННЫЙ ТАЛАНТ
И СКАЗИТЕЛЬСКАЯ УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ***

АННОТАЦИЯ. Рассматривается биография и фольклорное наследие Маури Максимовны Хотеевой, одной из старейших карельских сказительниц. Нелегкая жизнь наложила отпечаток на все ее творчество. Эпическую и сказочную традицию она усвоила от своих родителей и односельчан. Она прекрасно владела мастерством импровизации: в ее репертуаре много причитаний и ёйг. Маури Максимовна была профессиональной свахой, поэтому особенно много знала свадебных песен и плачей. От нее записан детский фольклор и колыбельные песни. М. М. Хотеева — талантливый исполнитель, импровизатор, владеющий практически всеми фольклорными жанрами. Можно выделить два этапа творческого пути сказительницы. В 1918 г. ее записывали финские собиратели, уделив основное внимание поэзии калевальской метрики. С 1928 по 1938 г. — советский период, когда был открыт талант сказочницы и причитальщицы, а также составителя новин. Мы попытались найти объяснение, почему все эпические песни, записанные от Маури Максимовны, очень короткие, обрываются на полуслове. Возможно, это связано с ментальной наполненностью древних карельских рун и верой сказительницы в достоверность того, о чем они повествуют.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: карелы, биография, фольклорные жанры, импровизация, эпос, менталитет, вера, калевальская метрика

УДК 398.87(470.22)

DOI 10.31250/2618-8619-2019-1(3)-44-56

ИВАНОВА ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА — н.с. сектора фольклористики с фонограммархивом, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН (Россия, Петрозаводск)

E-mail: ljuchiki@mail.ru

* Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (проект № АААА-А18-118030190094-6).

Маури Максимовна Хотеева (дев. Мошникова) родилась в деревне Ухта (ныне поселок Калевала). Согласно единственному печатному источнику, датой ее рождения считается 1864 г. (Материалы свода памятников... 1977: 119). В биографии, которую 20 декабря 1937 г. со слов сказительницы записала Т. Ананина, значится 3 мая этого же года (НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Колл. 155. Ед. хр. 1. Л. 356–358). По сведениям финских собирателей, в 1918 г. ей было пятьдесят лет, то есть родилась она в 1868 г. (Niemi 1921: 1089). В неопубликованном биографическом очерке И. Я. Пажлакова в качестве года рождения указан 1865 г. (НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Колл. 20. Ед. хр. 9а. Л. 68–72).

Нелегкая жизнь, прожитая в тех краях, которые по праву считаются сокровищницей карельских рун, наложила отпечаток на все фольклорное наследие М. М. Хотеевой. Она была не только знатоком и носителем фольклорно-этнографических традиций, но и творческим человеком. Неслучайно от нее записано много текстов именно тех жанров, в которых сильна доля импровизаторства (причитания, ёйги) и даже сочинительства (новины).

В семье ее родителей было девять дочерей и два сына, семеро умерли во младенчестве. Отец Маури зимой работал у местных купцов коробейником, продавал соль, меха, крупу, чай, крендели. Он прошел сотни километров по заросшим лесным тропинкам, порожистым рекам из Ухты в Вокнаволок, из Вокнаволока до Гельсингфорса и обратно в Ухту. По дороге он останавливался в землянках лесорубов, в которых звучали сказки, рассказы о прожитом и виденных чудесах. Обо всем этом он рассказывал дома. Как следует из биографии, Маури была его самой внимательной слушательницей. Ходил он за селедкой и на берега Белого моря, в Кемь, Сороку, Кандалакшу. Каждую весну отец возвращался домой, приносил жене «двадцать рублей, два фунта соли и пять фунтов крупы» (НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Колл. 20. Ед. хр. 9а. Л. 68). Летом он занимался сельскохозяйственными работами. Его жизнь закончилась трагично и оставила неизгладимый след в дальнейшей судьбе Маури.

Вот как об этом говорится в биографии. «Однажды, как всегда весной, он вернулся домой необыкновенно веселый. “Теперь мы будем, Маврушка, жить богато!” — сказал отец дочери. Потом он долго перебирал какие-то бумаги, развязал узелок и подал Мавре небольшой мягкий сверток: “Это тебе, Маврушка, платье купил, ведь тебе скоро замуж выходить. Я теперь, чай, купец, у меня и своя лавка есть. А ты мне будешь помощницей, Маврушка, крендели продавать будешь!” Вскоре по деревне пошел слух: “Максим с ума сошел!” Пошли чередой долгие тягучие дни. Бабка Анисья, слышавшая в деревне “волшебницей” [знахаркой], пыталась отогнать кореньями злых духов. Не помогало» (НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Колл. 20. Ед. хр. 9а. Л. 68–69).

Сама Маури рассказывала, что отец очень часто буйствовал, становился неуправляемым, в деревне предлагали отправить отца «в Кемь в больницу, но нам было жаль его отправить. Сделали ему свою каморку, где он и жил до смерти» (НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Колл. 155. Ед. хр. 1. Л. 356–358). Умер он через три года.

В год смерти отца Маури вышла замуж. Но жизнь легче не стала. Через год мужа взяли в солдаты и отправили во флот на Балтику. Маури осталась с грудным ребенком. Вот как она сама об этом вспоминала: «Мы с сестрой переплавляли людей на лодке через Куйто, пилили дрова. Платили тридцать копеек за сажень, если в лесу работали; а если в деревне пилили, то по восемнадцать копеек. В год смерти отца я вышла замуж (мне уже было двадцать лет) в такую же безземельную семью. Они в трудные времена приехали в Ухту, были столяры и сапожник. Муж был на два года младше меня. Когда пришло время, его взяли на службу. Он служил семь лет на море, это были тяжелые годы, иногда в рот было нечего положить. Я пошла к матери, мать смотрела за ребенком, а я работала у чужих. Летом гребла на лодке через Куйто тридцать верст до Ювялакши, да еще

двадцать до Луусалми. Все время надо было то одних, то других перевозить. Только приплывешь к берегу, уже следующий ждет. Многие сутки проходили без сна. Когда очень хотелось спать, вспоминалась песня. Если слышала свадебные песни, они быстро запоминались. А слова причитаний, им сама выучилась, так как было много горя.

Ты сам подумай о нашей жизни, если получали по пятнадцать копеек, когда гребли до Ювалакши, и пятьдесят — до Луусалми. Рейс у меня все время длился сутками, а если погода плохая, то и двинуться не можешь, сутки там сидишь. Когда во время сильного ветра против волн гребешь, дернешь, как можешь, а богач в лодке сидит да еще плеткой покачивает, чтобы быстрее гребла.

Через четыре года, когда муж пришел в отпуск, принес “гостинец”: еще одного ребенка. С ним еще больше досталось. Но милостыню просить никогда не ходила, этого никто не скажет. Сколько за работу получала, тем и жила.

Он звал меня в Кронштадт жить, хотел там остаться служить. Но я ответила, что если приедет нас с детьми забирать, если заработает столько денег, то поеду. Он год прослужил, отправил двадцать пять рублей, но денег не хватило, и он вернулся домой.

Потом наш дом сгорел, осталась только одежда, которая была на себе. Не спасли ни ложки, ни стакана. Потом стали как жить, то купили у общества дом. Муж работал у урядника да церковным служкой, звонил в колокола, получал за это сто рублей. А я сторожем в школе. Вот и купили дом. Дом пришлось перевезти. Что-то на плечах перенесли, что-то на упряжке.

На седьмой год муж умер. У меня было уже шестеро детей. Мне все время надо было идти [то есть работать. — Л. И.]. Была в костомукшской школе сторожем шесть лет. Там было двадцать пять детей, а я одна им еду готовила, посуду мыла, стирала и всё» (НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Колл. 155. Ед. хр. 1. Л. 356–358).

Мать Маури вечерами рассказывала сказки, пела песни и причитывала. Девушка все это легко запоминала. У нее был хороший голос. Позже Маури Максимовна часто повторяла: «Когда горе выплачешь, легче становится».

Творческий путь М. М. Хотеевой можно разделить на два этапа, отличающихся жанровой наполненностью: в 1918 г. ее впервые посетили финляндские фольклористы, в 1928 г. — советские ученые. Они продолжили работать с ней на протяжении 1930-х гг. При этом следует подчеркнуть, что все свои фольклорные произведения (руны, плачи, заговоры, сказки и др.) Маури Максимовна исполняла только на карельском языке. В ее репертуаре есть единственная новина на русском языке, записанная, когда ей уже было семьдесят два года. Маловероятно, что она сама спела ее по-русски. Скорее всего, или сама новина написана кем-то на заказ, или сделан перевод с карельского на русский. Как известно, многие новины сказители сочиняли с помощью людей, которые были к ним целенаправленно приставлены, чтобы помочь в составлении произведений нового жанра на основе традиционной калевальской метрики.

В 1918 г. во время Ухтинской республики, когда власть на севере Карелии была в руках у финнов, финские собиратели Э. Кемппайнен, В. Салминен и А. О. Вайсянен впервые записали образцы устного творчества М. Хотеевой. Это поэзия калевальской метрики. Некоторые из текстов включены в четвертую часть первого тома многотомного издания *Suomen Kansan vanhat runot* (SKVR) («Старые руны финского народа»). Зафиксированы три рунических сюжета. Они короткие, по пятнадцать-семнадцать строк, но в них есть интересные детали. Первый сюжет о строительстве лодки «*Venettä luatijessa*». Как следует из записанного отрывка, лодку делает верховное божество Укко: «*Oi Ukko, ylijumala, Vuari vanha, taivahaine! Vesti vuaralla venoista, Kalkutteli kalliolla.* / Ой, Укко, верховный бог, Старый дед небесный! Строгал на горе лодку, Постукивал на

скале». Он же стреляет в Вяйнямёйнена, который характеризуется единственным эпитетом «*kytösilmä* / с горящими глазами» (SKVR I, 4: 2147). По всей видимости, это архаичный вариант сюжета, встречающийся очень редко, чаще всего в рунах в качестве демиурга и изготовителя перепредметов выступает Вяйнямёйнен.

В следующем сюжете из моря поднимается «маленький мужичок... ростом с три пальца», видит большой дуб, середину которого выклевал ворон, а корни испортил подземный червь. Мужичок с помощью заговорных слов запрещает им портить дерево (SKVR I, 4: 2151).

Первые собиратели записали и два варианта довольно редкой комбинации рунических мотивов сюжетной линии «Мать ищет дитя», по 44–47 строк (SKVR I, 4: 2194, 2194a). В них говорится о том, что «ягодка плачет на горе, брусничка — на вырубке» и зовет девушку съесть ее. Девушка съедает, возвращается домой и узнает, что похитили ее сына, увезли «на жеребце Хийси». Она идет искать ребенка, спрашивает дорогу у звезды и луны. Они не соглашаются помочь матери. И только солнце, «*jumalan luoma* / Божье творенье», после долгих уговоров говорит ей, что сын уже убит и похоронен.

Маури Максимовна исполнила для финских собирателей одну бытовую песню, которую карелки пели, когда доили корову (SKVR I, 4: 2267), и одиннадцать свадебных песен, в том числе самую известную и сохранившуюся вплоть до конца XX в. «Летел орел» (SKVR I, 4: 2227–2229, 2234, 2244–2247, 2252–2252a, 2262). Тогда же были записаны одиннадцать колыбельных, семь куммулятивных песен и детских потешек. Колыбельные песни ушли из повседневного бытования уже в 1960-е гг. У Маури Максимовны они разнообразны в сюжетном отношении и интересны многими поэтическими образами и этнографическими деталями. В колыбельных в качестве помощников мать приглашает к себе различных персонажей. Это и верховный бог *Jumala* (SKVR I, 4: 2325), и Иисус: «приходи третьим к нам с ребенком» (SKVR I, 4: 2299). Иногда это Дева Мария: «Матушка Дева Мария, любимая мать родная, святая маленькая служанка / *neiçyt Moari emoni, Rakas äiti armolline, Puhä piika pikkarane*» (SKVR I, 4: 2327) — синкретичный образ, содержащий как христианские, так и более архаичные детали. Мать во время укачивания традиционно напевает судьбу малышу. В одном из вариантов: «судить-рядить, в красном углу сидеть, по бумаге петь» (SKVR I, 4: 2302). Неграмотные крестьяне ценили именно это: не столько мастерство часами рассказывать сказки и исполнять руны, сколько умение «читать по бумаге». Судьба именно напевается, точно так же, как Вяйнямёйнен и Илмаринен, напевая, создают перепредметы. В этой колыбельной есть еще одна любопытная деталь: дочь в крестьянской семье любима, но все же менее, чем сын. Усыпляя новорожденную, карелка поет: «Баю-баю, доченьку, / Стоишь ты половину сына, / Пять чужих жеребцов, / Шесть золотых мужей» (SKVR I, 4: 2312).

Обилие детского, достаточно редкого, материала, записанного от Маури Максимовны, совершенно неслучайно. Именно в это время она присматривала за своими внуками, а в детстве нянчила и соседских детей.

Свадебные песни она исполняла, когда на протяжении многих лет в качестве плачей и свахи ее приглашали на деревенские свадьбы. В этом смысле Маури Максимовну можно назвать профессиональной причитальщицей: для нее это была возможность заработать кусок хлеба. Но при этом стоит помнить, что даже знахарям за лечение или проведение каких-либо обрядов практически никогда не давали деньги. Чаще это были продукты, что-то из одежды или отрез ткани. Финские собиратели второй половины XIX — начала XX в., описывая карелов — носителей фольклорной традиции, часто характеризовали их триединой формулой: «Он был хороший знаток рун, колдун и сват» (Niemi 1921: 1150, 1157). Сказителей представляли не только как рунопевцев, но в первую

очередь как знахарей-*tiedoiniekat* и свадебных колдунов-*pat'vaškat* (мужчин) или плакальщиц-*itkettäjäät* (женщин). Таким образом, подчеркивалась утилитарная роль ритуального слова, его магическая функция.

В SKVR также включены семь свадебных и лечебных заговоров Маури Максимовны (SKVR I, 4: 2410, 2450, 2483, 2503, 2504, 2504a, 2505) Интерес также представляет редко встречающийся у карелов вариант одного из мантических ритуалов, в котором М. М. Хотеева описывает все обрядовые действия во время гадания и полностью воспроизводит фольклорный текст. В нем девушка спрашивала у кукушки, сколько лет ей осталось до замужества. Для этого следовало рано утром, ничего не поев, пойти в лес — это ритуальное нарушение табу (в обычное время карелы из избы не выходили, не положив в рот хотя бы крошку хлеба). Короткое кукование считалось хорошим предзнаменованием. Если кукушка вообще не куковала, то это было плохим предвестником того, что есть вероятность остаться в старых девах. В таком случае следовало прийти домой, тщательно расчесать волосы и тем самым снять с себя негативное предсказание и наполнить свою жизнь новой энергетикой (SKVR I, 4: 2222). Как известно, в мифологии длинные и густые волосы символизировали долгую и счастливую жизнь.

Неизвестно, записали ли финские собиратели причитания М. М. Хотеевой. Скорее всего, нет, потому что их в основном интересовала только руническая поэзия калевальской метрики. Талант Маури Максимовны как причитальщицы и сказочницы был зафиксирован уже позже, в 1930-е гг.

С 1928 г. начался новый этап в творческой жизни Маури Максимовны. Ее дар был признан не только деревенским сообществом, но и получил более широкое признание. После того как в конце 1920-х и в 1930-х гг. в Ухте побывали первые карельские собиратели и привезли руны, сказки и причитания М. Хотеевой, ее не раз приглашали как для записи, так и для выступлений в Петрозаводск. В 1935 г. она принимала участие в праздновании столетнего юбилея первого издания «Калевалы», а в 1936 г. была участницей Декады карельского искусства в Ленинграде.

Сказительский талант Маури Максимовны был многогранен. В первую очередь поражает многожанровость ее репертуара. Ее творческому наследию выделена отдельная коллекция в Научном архиве КарНЦ РАН — коллекция 20. В ней есть как прозаические, так и стихотворные тексты, как традиционные, так и новаторские. Записаны они в течение десяти лет, последние — перед самой смертью сказительницы.

Она была прекрасным знатоком свадебных ритуалов. От нее записан подробный рассказ с интересными этнографическими деталями и разножанровыми фольклорными текстами, которые сопровождали весь обряд (НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Колл. 20. Ед. хр. 35. Л. 172–199).

В ее репертуаре советского времени семнадцать эпических и лиро-эпических рун. Это десять сюжетов: «Выкуп девушки», «Дева Велламо», «Девушка, задержавшаяся у источника», «Мать ищет дитя», «Морские женихи», «Морской поход», «Посещение Туонелы», «Портной Кеттунен», «Ранение колена Вяйнямёйнена» и «Состязание в сватовстве». Часть из них опубликована.

Особо хочется подчеркнуть две особенности карельского эпоса, о которых мало говорят исследователи: руны как отражение веры и ментальности карелов, а также трансформация ментальных устоев на протяжении XVI–XX вв. Менталитет, или мироощущение, формируется на глубоком психологическом уровне индивидуального или коллективного сознания. Мировосприятие, с одной стороны, возникает в недрах культуры, а с другой — влияет на нее. Сказители XIX в. не только были последними носителями старой эпической традиции, но и жили в ней. Образы фольклорных героев формировали шаблоны их поведения, перенимавшиеся с самого детства, и бессознательно воспроизводились людьми в повседневной жизни. Карельские руны мифологичны

и поэтичны, они не столько героические, сколько культурологические. Это созидательный эпос, герои постоянно что-то творят (чаще — словом!): землю, небо, мироздание, лодку, кантеле, жену, сампо. Поэтому старые сказители описываются финскими собирателями как творческие личности, спокойные и уверенные в себе. Безусловно, на мировосприятие человека огромное влияние оказывают и другие факторы: политика государства, знания, национальность, возраст, классовая и территориально-географическая принадлежность. Но в XIX в. ментальность карельских сказителей в большей мере была сформирована многовековой эпической традицией, которая постепенно уже разрушалась.

В древности текст карельских рун, включающий в подавляющем большинстве случаев заговоры, сам по себе был сакрален и использовался колдунами и знахарями в различных обрядах и ритуалах: родильных, свадебных, похоронно-поминальных, лечебных и многих других. Эпические песни отражали древние верования карелов, их миропонимание и мировосприятие. Они и по сей день являются воплощением ментальности народа, его идентичности, это многовековая культурная память народа, своеобразный архаичный аналог христианской Библии. Все самые известные исполнители карельских рун даже в XIX в. были знатоками различных магических традиций и ритуалов. И не только знатоками — все свои знания они активно применяли в повседневном быту, а потому были самыми уважаемыми членами деревенского сообщества.

Изначально для карела (и вплоть до середины XIX в.) все события, о которых повествуется в рунах, были настолько же реальны, насколько сегодня христиане верят в реальность фактов, описанных в Ветхом и Новом Заветах. Когда в 1829 г. пастор Якоб Феллман, один из первых собирателей севернокарельских рун, спросил в Вокнаволоке одного пожилого мужчину, что он знает о сотворении мира, тот, не сомневаясь, ответил: «Так, святой брат, у нас такая же вера, как и у вас. Прилетел орел с севера, положил яйцо на колено Вяйнямёйнена и сотворил из него земной мир. В это же и вы верите» (Niemi 1921: 1127). Старинный заговор был неотъемлемой частью многих эпических песен и произносился знахарем с глубокой верой в силу слова и богов, которым карелы поклонялись. Соответственно и сила рунического заклинания была аналогична энергетике современной молитвы, с которой верующий обращается к Творцу.

Эпические песни как отражение ментальности карельского народа, его дохристианской веры практически не изучались в отечественной науке. В Финляндии в 1916 г. вышла работа П. Эрваста «Ключ к “Калевале”», в которой он пишет о своде карельских рун как о священной книге: «The Kalevala as a Holy Book» (Ervast 1999: V). Исследователь, опираясь на труды Е. Блаватской и Р. Штайнера, рассмотрел эпические песни с точки зрения эзотерической теософии, как синтез скрытых знаний и многовековой мудрости, проанализировал основные сюжетные коллизии, поступки и характеры главных персонажей. П. Эрваст считал, что карельские руны содержат такие же глубокие знания, как Библия, древнеиндийская ведическая литература, произведения китайских философов, греческие или египетские мифы. Он писал, что три главных героя «Калевалы» олицетворяют три божественные силы, а волшебная мельница сампо является неким совершенным духовным телом, достигнув которого, человек добивается исполнения своих целей и мечтаний. Как известно, еще в 1551 г. в предисловии к переводу «Псалтыри» финский проповедник М. Агрикола, основываясь на знакомстве с фольклорными текстами и верованиями карелов, называл Вяйнямёйнена, Илмаринена и Лемминкяйнена древними богами.

В биографиях севернокарельских сказителей часто встречается указание на то, что многие старики считали исполнение рун бесполезным и даже греховным занятием именно потому, что эпические песни были воплощением древних верований. А в конце XIX в. они уже верили в христианского

Бога, ходили в православную церковь. Среди сказителей были и такие, кто придерживался староверских устоев. Например, о встрече в 1872 г. с семидесятилетним Иваном Архиповым из Шомбозера А. Борениус вспоминал так: «Хваленый певец Архипов Иван в этот момент молился в углу, считая поклоны, когда я пришел к нему, он сказал, что ему некогда заниматься такими пустяками, как пение рун». Как пишут собиратели, в таких случаях иногда помогали уговоры, иногда деньги, а порой и вино (Niemi 1921: 1077).

В 1888 г. И. К. Инха в Куяле пришел к 68-летнему Степану Мартышкину. Степан сначала отказывался исполнить руны, «боясь, что пение — это грех», но потом все-таки поддался на уговоры, воодушевился и спел песни на несколько сюжетов. «Под конец старик устал и не согласился исполнить все то, что знал. Была уже поздняя ночь, когда мы закончили с ним работу. Он добродушно предложил мне бедный ужин и постель на полу, и я уснул в чистой избе Степана под черными от сажи потолками... Старик уже после того, как я лег спать, долго стоял перед иконами, крестился и тихим голосом молил прощения у Бога за то, что поддался воспоминаниям молодых грешных времен и под старость забыл свою клятву Богу» (Niemi 1921: 1138).

Тимофей Петринен в молодости был очень сильным мужиком, известным колдуном, за что его и прозвали Медведь-Тимо / Karhu-Timo, но во время посещения К. Карьялайнена ему был уже семьдесят один год, «память слабела, и он оставил греховные руны, отказался петь, так как “в книге сказано, что от этого приходит грех”. При этом он пожаловался, что его не записывали в молодости. Он рассказал о деде Родионе Пименовиче и о его отце, которые были “большими знахарями и певцами *suuria tietäjiä ja laulaji*”. Пимен был настолько силен в колдовстве, что однажды с помощью заклинаний поднял водяного на камень и заставил его просить прощения у человека, которого мучал» (Niemi 1921: 1156).

Односельчане Мийхкали Перттунена, одного из самых известных карельских рунопевцев, были уверены, что он перед смертью «должен успеть спеть все свои песни, чтобы хоть немножко облегчить свои грехи, которые он заслужил за пение в течение своей жизни» (Niemi 1921: 1079). Вспомним здесь о том, что колдун-знахарь, согласно верованиям, тоже должен успеть вовремя передать все свои магические знания своему последователю, чтобы заслужить спокойную кончину и не мучиться перед смертью.

Но были и такие представители, как Архип Филиппов из Ухты, который «десять лет служил церковным старостой и вел старательно церковные дела», и в то же время это был «общительный, веселый мужчина, любил петь старые руны, рассказывал сказки и загадывал загадки» (Niemi 1921: 1085). Возможно, это происходило как раз потому, что сами древние руны уже потеряли для Архипа свою сакральность и магичность.

Вопросами веры иногда объясняется и отсутствие имен исполнителей у первых финских собирателей. Хотя часто в этом принято обвинять именно собирателей, якобы им была не интересна личность исполнителя. Но, как говорили сами рунопевцы, они не называли своих имен, так как, с одной стороны, боялись преследования со стороны церкви, а с другой — сами уже считали рунопение бесполезным и даже греховным занятием и, чтобы избежать греха, утаивали от собирателей свое имя. Особенно это относится к тем, кто придерживался староверческих устоев, каковых в деревнях Беломорской Карелии в то время было немало. К примеру, некая семидесятилетняя старуха из Минозера в 1894 г. спела Г. Бломштедту несколько рун, но отказалась назвать свое имя, объяснив это тем, что пение старых рун — это грех, и «если узнают единоверцы», последует наказание (Niemi 1921: 1142). Сказывалась и репрессивная практика в отношении народных верований, в том числе рунопения, которая в разное время проводилась во многих государствах.

В странах Скандинавии, например, церковь в течение XVI–XVII вв. занималась «охотой на ведьм». В XVII в. за колдовство в Финляндии было приговорено к смерти около шестидесяти человек. В судебных архивах сохранилось много дел, свидетельствующих о том, что за исполнение не только заклинаний, но и эпических рун привлекали к суду как за колдовство (Путешествия Элиаса Леннрота 1985: 307). Э. Леннрот отмечал, что именно поэтому финны и многие карелы, проживавшие на приграничной территории, и в XIX в. отказывались петь руны, боясь наказания (Там же: 34).

В связи с этим можно попытаться разгадать одну особенность творчества М. М. Хотеевой. Маури Максимовна, безусловно, руны знала, от нее записаны многие сюжеты, особенно лиро-эпические. Но, во-первых, нет ни одной крупной эпической песни, практически все они менее ста строк. Во-вторых, в ее репертуаре не зафиксированы такие ментально серьезные сюжеты, как «Сотворение мира».

Этот факт можно попытаться объяснить двумя способами. Или М. М. Хотеева чаще всего исполняла только лиро-эпические песни свадебной тематики именно потому, что была профессиональной свахой и причитальщицей, и это был ее способ заработать, а иных рун она не знала. К тому же 1920–1930-е гг. — это время распада карельской эпической традиции. Или она сохранила веру в достоверность эпических сюжетов, в сакральность древнего слова, о чем говорилось выше, и поэтому не хотела петь их чужим людям. Точно так же, как многие практикующие знахари часто отказывались делиться своими сокровенными знаниями с собирателями. А если и соглашались произнести заговор под запись, проговаривали его не до конца, оставляя за собой «последнее слово», без которого заклинание было бездейственно.

Кроме публикаций рун в SKVR, эпические песни М. М. Хотеевой использовал в своих сборниках В. Я. Евсеев. Например, в 1950 г. были опубликованы два сюжета: «Вяйнямёйнен делает кантеле и играет на нем» и «Портной Кеттунен» (Карельские эпические песни 1950: 69–72).

От М. Хотеевой в последнее десятилетие ее жизни было записано восемь свадебных песен, одна колыбельная, две шуточных песни, детские потешки.

Маури Максимовна прекрасно владела и сказочной традицией. В ее репертуаре по меньшей мере тридцать пять сказок: пятнадцать волшебных, две о животных, шесть новеллистических, десять сказок-анекдотов, в том числе эротического характера. Три из них с переводом на русский язык опубликовала У. С. Конкка (Карельские народные сказки 1963: 353–354, 355–367, 491–496). Записаны они были в 1937 г. Л. Грендал. Все сказки бытовые, одна называется «Ленивая жена / *Laiska akka*» (A-A 901*В), другая — «Три слова / *Kolme Sanua*» (A-A 910В), а третья — «Живот плачет / *Vačču itkõu*» (в указателе сказочных сюжетов нет). Первый сюжет в варианте М. М. Хотеевой интересен тем, что, отучая жену от лени, муж не прибегает к грубым или унижительным средствам. Такая интерпретация встречается редко. И в целом сюжеты «Укрощение строптивой» и «Исправление ленивой» нехарактерны для севернокарельской традиции. Возможно, это произошло вследствие особенностей семейно-бытовых отношений у карелов: женщина была довольно самостоятельна и уважаема в семье.

В этом же сборнике опубликована сказка «Кумохка / *Kumohka*» (A-A *1538), записанная в 1954 г. от пятидесяти шестилетней И. Р. Хизтала, дочери М. М. Хотеевой (Карельские народные сказки 1963: 429–437). Она переняла ее от матери. При этом ставшее нарицательным имя Кумохка встречается в карельской традиции только в сказках. На севере Карелии так называли веселого, разбитного шутника и выдумщика. Севернокарельской особенностью является и то, что герой при встрече с царем ведет себя очень смело и независимо.

М. М. Хотеева была мастерицей импровизационных жанров. От нее записано довольно большое количество ёйг, девять из них включены в сборник «Карельские ёйги» (Карельские ёйги 1993: 121–122, 140–145, 150–157). Примечательно, что это очень часто сатирический жанр, но от Маури Максимовны записаны очень лиричные тексты, с яркими образами и художественными тропами. В них она часто обращается к природе, проводит параллели между своей жизнью и природными явлениями, что практически не свойственно другим исполнителям жанра. Это одна досвадебная ёйга, которую исполняли во время сватовства. Четыре ёйги лирические, в них исполнительница, тоскуя, обращается к уехавшему любимому. В трех текстах М. Хотеева просит благословения у уже умершего отца-«прародителя» и горько жалуется на то, что вынуждена тяжело работать, поэтому «голос сорван / lauloin eänellä šortunuolla» и «подобен лаю собаки / kolossa on kuin koiran haukku»; ей уже некогда «воспеть закат солнца, некому вечер возвеселить / ei ole laulajie päivänlašun, eiko viečoran viekuttajie»: «теперь мои песни подобны тесанию досок / nyt on laulani, on kuin lauvan vešto» (Карельские ёйги 1993: 150–151). В одном из текстов Маури Максимовна обращается к родному Куйто:

Oho šie kumman Kuittijärvi,
Eli voi lemmon litepohja.

Ohoi joko koho velli
A kun olet vaivuttaja varren
Vain kuolettaja kuklalakäsien...
Olisko ošasenoštamoini,
Antasin ošašta olkašoman,
Auvoišta ainuon avorinnan.
A kun ei ole antua ni mitä.
Äijä šyyttä šyrvitän,
Äijä tauvitta tallatah...
Luatisin lauluset laihinoista,
Vetäsin virtytö veloista.

Ой, ты, странное озеро Куйто,
Или же песчаное дно лемпо.

(Рефрен)
Изнуряешь мой стан,
Убиваешь руки куколки...
Было бы счастье покупное,
Отдала бы за счастье рубаху,
За долю — единственный наряд.
Да и отдавать нечего.
Много без вины обижают,
Много без причины топчут (унижают)...
Создала бы из долгов песни,
Из задолженностей бы вирши
(Карельские ёйги 1993: 154–155).

Особую известность М. М. Хотеевой принесли плачи, особенно свадебные. Их восемнадцать, и они, что особенно ценно, отражают весь ритуальный цикл свадьбы. Есть в ее наследии похоронные, рекрутские и бытовые причитания. Тексты развернутые, большие по объему, до пяти печатных страниц (самые крупные в севернокарельской традиции). Причитывала М. М. Хотеева всю жизнь. Но традиционный свадебный обряд с 1930-х гг. начал активно разрушаться, и на свадьбе ее услуги требовались уже реже. Похоронная причеть активно бытовала до 1970-х гг. Одиннадцать плачей Маури Максимовны включила в свой сборник А. С. Степанова, высоко оценив при этом талант и поэтическую одаренность плакальщицы: «Плачи Хотеевой отличаются богатством и колоритностью языка, насыщенного развернутыми поэтическими образами, своеобразными метафорами и эпитетами» (Карельские причитания 1976: 10).

В 1930-е гг. творческий потенциал Маури Максимовны был использован в новом русле. Формирование советской культуры ознаменовалось искусственным конструированием современного фольклора, стали появляться тексты, сделанные на заказ и стилизованные под фольклорные произведения. Новины — одно из проявлений такого «псевдофольклора», или фейклора. Они имели своей целью прославить советскую действительность, достижения новой жизни, партийных вождей и героев (Гюнтер 2000: 743–784).

М. М. Хотеева — автор семи произведений нового направления. Новины Маури Максимовны как стилистически, так и поэтической образностью очень напоминают причетную традицию карелов. В них есть напев, но нет рифмы. Согласно Ф. Миллеру, все поэтические произведения советских сказителей называются новинами (Миллер 2006). Но этим произведениям присущи признаки разных жанров, поэтому их называют и плачами, и сказами, и поэмами, и песнями (Козлова 2007). Впервые новины-сказы-плачи М. М. Хотеевой в переводе на русский язык были опубликованы в 1938 г., а затем в 1949 г. (Сказы и плачи о Ленине 1938: 11–14; Карельский фольклор 1949: 173–174, 182–186, 199–201).

Одно из таких произведений на русском языке так и озаглавлено: «Сказ о тяжелой жизни карел и как Ленин и Сталин сделали их жизнь счастливой» (НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Колл. 20. Ед. хр. 64. Л. 258–260). Исполнительнице в то время было около семидесяти лет. Как уже говорилось, больше на русском языке она ничего не рассказывала и, скорее всего, не владела им. Вполне вероятно, что это вольный перевод с карельского языка, сделанный кем-то из собирателей или специально приставленных людей. Они сначала рассказывали карельским сказителям о каком-либо советском деятеле, читали публикации в газетах на финском языке, а затем сказителю давалось время, чтобы на основе традиционных эпических песен придумать новину. Это произведение потом корректировалось, особенно в процессе перевода на русский язык. Вот, например, как работали с А. В. Ватчиевой: «С интересом слушала Анисья Васильевна все, что мы рассказывали о Ленине, а на следующий день просила зайти и записать сказ» (Сказы и плачи о Ленине 1938: 5).

«Сказ о тяжелой жизни карел и как Ленин и Сталин сделали их жизнь счастливой» был сочинен Маури Максимовной, по всей видимости, для какого-то республиканского мероприятия, на котором она присутствовала. Начинается он так: «Как я бедна-горемычная через большую дороженьку на склоне дряхлой своей жизни-ниточки прибыла во собранище народа очень доброго, правдивого, думы лучшие-наилучшие пораздумывать. Я бедна-горемычная дряхлым языком своим о прежней своей горькой жизни да тяжелом бремени порассказываю».

Шесть новин от М. М. Хотеевой записаны на карельском языке. Одна из них называется «О новой конституции» (НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Колл. 20. Ед. хр. 65. Л. 261–263). В 1937 г. Т. Ананина записала два плача по Ленину (Там же. Л. 264–269). Произведение «Великий Ленин» в описи трактуется как сказ, но оно также напоминает плач (НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Колл. 20. Ед. хр. 68. Л. 270–272).

Два текста посвящено Тойво Антикайнэну. Это плач и стих (НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Колл. 20. Ед. хр. 69. Л. 273–275). Стих написан четырехстопным хореем с использованием перекрестной рифмы.

Еще одна новина рассказывает о событиях Ухтинской республики. В ней создается негативный образ предводителя антиреволюционных событий. Она начинается со слов, напоминающих начало «Калевалы»: «Сейчас мой черед петь, / Есть у меня слова, / И спеть я хочу о старом Вяйнё, Тунгудском кулаке» (НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Колл. 20. Ед. хр. 71. Л. 276–280). Был на самом деле такой исторический персонаж, один из предводителей антиправительственного партизанского движения Ухтинской республики, внешне напоминавший старого мудрого Вяйнямёйнена и поэтому именно так прозванный. Таким образом, новина одновременно стремилась добиться двух целей: напомнить о «Калевале» и выставить в негативном свете образ современного антигероя Вяйнё.

Перед самой смертью сказительницы, в 1938 г., К. Белова записала от М. Хотеевой «Песню о Сталине» (НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Колл. 20. Ед. хр. 72. Л. 282–286) и «Песню о Климе Ворошилове» (Там же. Ед. хр. 73. Л. 287–288). В первой песне повествуется о прежней и нынешней

жизни карелов, а во второй — мать с гордостью рассказывает о том, как отдала сына в армию под начало К. Ворошилова.

Сегодня трудно, а по сути даже невозможно говорить о том, насколько эти произведения были отредактированы и обработаны заинтересованными лицами. Скорее всего, сильно, так как существовал государственный заказ на тексты, посвященные данной тематике. Но в то же время не следует отрицать и искреннее желание сказителей отблагодарить за все позитивные изменения, произошедшие и в жизни родной деревни, и в их личной судьбе.

Даже рассказывая о себе, Маури Максимовна все время сравнивала жизнь до и после революции. Вот как звучит еще один отрывок из биографического рассказа, записанного от нее:

Пока красноармейцы не пришли, у меня жизнь была как из огня да в полымя. А потом, когда они пришли, жизнь стала улучшаться. Старшей дочери ребенка я все время растила. Другая дочь все время на работе, я с детьми, вот и я получаю когда какую еду.

В моем доме жили вахтовые рабочие. Потом дом разобрали на дрова, а мне дали дом тех, кто сбежал. Был у меня хлев хороший, да сгорел. Но помощь хоть и маленькую, но получила, двести семьдесят рублей. А раньше, когда дом сгорел, босиком остались, и ни копейки не получили. Жили, конечно, плохо.

Я за то благодарна, что во время советской власти живу, да так хорошо живем, что нет никакой нужды. Дочь работает на комбинате, там достает дрова, а раньше ведь надо было на плече из лесу везти.

Раньше еще дважды ходила с мешком за хлебом. Когда возвращалась оттуда, надо было через порог переправиться. Многие ведь умирали на той дороге. А если через порог не могли переправиться, надо было двадцать верст нести мешок, а когда подходили к берегу, то богачи всегда первыми брали. А теперь дома [то есть в родной деревне. — Л. И.] в магазине есть достаточно хлеба.

За то еще благодарна, что сыновей смогла выучить, а один уже попал в Красную армию. Не тужу об этом, да еще и второго бы отдала, если бы взяли, да еще молод.

Очень хорошо то, что свет дали. Раньше ведь люди все время готовили лучины, а потом в лампу керосин наливали да тряпицы для фитиля, а теперь об этом не надо беспокоиться, раз электричество горит. Больше не надо бежать, раз дочери да сыновья пошли работать. Старший сын был директором библиотеки в Ухте и получал 400 рублей зарплату.

В колхоз я вступила первая, сыновья работали в колхозе во время отпуска.

(НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Колл. 155. Ед. хр. 1. Л. 356–358).

Обо всем этом она рассказывала и в поэтических произведениях, посвященных новой жизни и новым героям.

Традиционные фольклорные жанры — сказки, эпические и лиро-эпические песни — у М. Хотеевой имеют по несколько версий. Первые традиционные руны записаны в 1918 г. финнами. По два, а иногда и по три раза некоторые сюжеты зафиксированы собирателями (Н. Хрисанфовым, Т. Топпинец, П. Я. Куйка, Т. И. Ананиной, Даниевой, Е. Липкиной, О. Ф. Пергамент, К. Беловой и др.) в течение 1928–1938 гг. Причем иногда вариант, записанный перед самой смертью сказительницы, в 1938 г., самый крупный по объему. Примечательно, что все новины записаны только в одном варианте. Это еще раз указывает на то, что реально новинные тексты как фольклорные не бытовали. Это были авторские, искусственно созданные на заказ произведения.

Часть фольклорных текстов, записанных от М. М. Хотеевой, опубликованы в различных сборниках как на карельском языке, так и в переводе на русский. Это и руны, и ёйги, и плачи, и сказки, и новины. Но наиболее полно ее разножанровый репертуар отражен в одном из первых сборников, изданных в Карелии. В нем, к сожалению, представлены только переводы на русский язык

(Карельский фольклор 1949: 42–45, 53–59, 72–99, 173–174, 182–186, 199–201). Сюда включены три эпические песни («Поиски сына», «Портной и ткачиха», «Анники и мышь»), две свадебные песни («Зять приехал» и «Приехал братец»). Здесь же опубликованы ее сказки о животных, волшебные, бытовые, новеллистические («Про белку, рукавицу и иголку», «Черная уточка», «Соснович», «Голь кабацкая», «Кумоха», «Ленивая жена») и дань тем советским годам — новины «Сказ о Ленине», «Сказ о тунгудском “царе”» и «О Сталине».

Как отмечали исследователи, «богатое творческое наследие сказительницы позволяет считать ее одной из талантливейших в числе мастеров карельского устного народного творчества конца XIX — первой трети XX в.» (Материалы свода памятников... 1977: 120). Весь записанный от Маури Максимовны фольклорно-этнографический материал требует дальнейшего изучения.

Умерла М. М. Хотеева в 1938 г. Ее дом и могила в поселке Калевала в 1977 г. были внесены в Свод памятников истории и культуры РСФСР. На доме, где она проживала, вскоре после ее смерти по решению карельского правительства была установлена мемориальная доска.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Колл. 20. Ед. хр. 9а; 35; 68–69; 71–73. Записи от М. М. Хотеевой.
НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Колл. 155. Ед. хр. 1. Биографии карельских сказителей.
Гюнтер Х. Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон. СПб., 2000. С. 743–784.
Карельские ёйги / изд. подгот. Н. А. Лавонен, А. С. Степанова, К. Х. Раутио. Петрозаводск, 1993.
Карельские народные сказки / изд. подгот. У. С. Конкка. М.; Л., 1963.
Карельские причитания / изд. подгот. А. С. Степанова, Т. А. Коски. Петрозаводск, 1976.
Карельские эпические песни / предисл., подгот. текстов и коммент. В. Я. Евсеева. М.; Л., 1950.
Карельский фольклор. Новые записи / вступит. ст., подгот. текстов и примеч. В. Евсеева. Петрозаводск, 1949.
Козлова И. В. К проблеме жанровой классификации советского эпического фольклора // Филологические записки. СПб., 2007. С. 80–86.
Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР. Карельская АССР / ред.-сост. А. И. Фролов. М., 1977.
Миллер Ф. Сталинский фольклор. СПб., 2006.
Путешествия Элиаса Леннрота. Путевые заметки, дневники, письма. 1828–1842 / науч. ред., вступит. ст. и примеч. У. С. Конкка. Петрозаводск, 1985.
Сказы и плачи о Ленине / сост. А. Д. Соймонов. Петрозаводск, 1938.
Ervast P. The Key to the Kalevala. Nevada City, 1999.
Niemi A. R. Vienan läänin runonlaula ja tjätietäjät. Helsinki, 1921.
Suomen Kansan vanhat runot (SKVR). I, 4: Vienan läänin runot. Loitsut / julkaissut A. R. Niemi. Helsinki, 1919; электронная версия: <https://skvr.fi>

**MAURI M. KHOTEEVA:
A MULTIFACETED TALENT AND NARRATIVE VERSATILITY**

ABSTRACT. The article deals with the biography and folklore heritage of Mauri M. Khoteeva, one of the oldest Karelian storytellers. Her tough life left its traces on all of her work. She learned epic and folk tale traditions from her parents and fellow villagers. Khoteeva had excellent skills of improvisation: there were many keenings and joiga in her repertoire. She was a professional matchmaker, so she knew a lot of wedding songs and weepings. Childlore and lullabies were recorded from her. Khoteeva was a talented performer and improviser, who mastered almost every folklore genre. The career of Khoteeva can be divided into two stages. In 1918 she was recorded by Finnish folklore collectors, who focused on the poetry of the Kalevalian metric. And between 1928 and 1938, in the Soviet period, she was discovered as a talented storyteller, mourner and compiler of novins. In the article we look for a reason why all the epic songs recorded from Mauri Khoteeva are very short, why they are interrupted in mid sentence. We speculate that this is due to the mental fullness of the ancient Karelian runes and the belief of the storyteller in the accuracy of what they tell about.

KEYWORDS: Karelians, biography, folkloristic genres, improvisation, epics, mentality, faith, Kalevalian metric

LYDMILA I. IVANOVA — Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Science (Russia, Petrozavodsk)

E-mail: ljuchiki@mail.ru